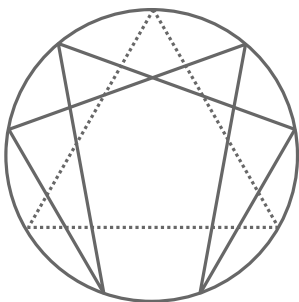

Век ВЕЛИКИХ

АРКАДИЙ РОВНЕР

Георгий

ГУРДЖИЕВ

Петр

УСПЕНСКИЙ

ОГИЗ

Издательство АСТ
Москва 2019

УДК 141.33
ББК 86.4
P58

Все права защищены.
Воспроизведение книги любым способом, в целом или частично,
без разрешения правообладателей
будет преследоваться в судебном порядке

Ровнер А.Б.

P58 Гурджиев и Успенский / Аркадий Ровнер. – Москва:
Издательство АСТ, 2019. – 448 с. – (*Век великих*)
ISBN 978-5-17-109790-5

Книга поэта, прозаика, мистика Аркадия Ровнера посвящена жизни и учению легендарного основателя «четвертого пути» Г. Гурджиева и его самого знаменитого ученика П. Успенского. Головокружительные концепции вечного возвращения и эзотерического христианства, путешествия Гурджиева и Успенского на Восток в поисках утраченного знания, их встреча и последующие годы учительства и ученичества, наконец, работа героев книги с последователями «четвертого пути» в разных странах – вот далеко не полный перечень тем, затрагиваемых автором.

УДК 141.33
ББК 86.4

Введение

За этой книгой стоят пятнадцать лет участия автора в «успенско-гурджиевской работе» в русском андерграунде 60–70-х гг. и затем — после эмиграции на Запад — обживание этой традиции, такой, какой она сложилась в Европе и Штатах.

Первое знакомство автора с идеями Гурджиева и Успенского произошло в Москве в начале 1960-х годов, когда после его выступления на одном из философских семинаров к нему подошел аккуратно одетый молодой человек с вопросами, касающимися темы его выступления. На другое утро этот молодой человек, засыпанный снегом, уже стучал в дверь его загородной квартиры. Под мышкой он держал завернутую в газету книгу Успенского *Tertium Organum*.

С тех пор головокружительные концепции четвертого измерения, сверхчеловека, вечного возвращения и эзотерического христианства, путешествия Гурджиева и Успенского на Восток в поисках “чудесного” и в поисках утраченного знания, их встреча и последующие годы учительства и ученичества, и наконец, их работа с последователями “четвертого пути” в Англии, Франции и США — все это органично наложились как на собственные поиски автора в России, на Западе и на Востоке, так и на его литературное творчество.

Идея этой книги обрела еще бóльшую реальность летом 1980 года, когда, напутствуемый одновременно двумя людьми, близко знавшими Успенского — лордом Пентландом, тогдашним главой американского Гурджиевского фонда, и Николаем Александровичем Рабинеком, руководителем американской группы последователей Успенского — автор посетил Лондон и Париж, где, познакомившись с рядом английских учеников Гурджиева и Успенского, а также с одним из руководителей Гурджиевского фонда Мишелем де Зальцманом, тем самым свел свой, российский опыт “четвертого пути” и западный.

Работа московских групп Гурджиева и Успенского в 1960-х гг. интересна и поучительна. Интерес этот, в частности,

связан с героизмом и самоотверженностью той неповторимой эпохи, глубиной и силой сформированных ею характеров и утраченным сегодня резонансом с идеями Гурджиева и Успенского. В 1960-х гг. Успенский и Гурджиев были окончательно возвращены в Россию. Были найдены и проработаны все дореволюционные работы Успенского. Издаваемые на Западе книги по “четвертому пути” и суфизму добывались и переводились на русский язык. Отыскивались люди, работавшие с Гурджиевым и Успенским до их отъезда из страны, некоторые из которых к тому времени вернулись из тюрем и лагерей. Были установлены контакты с духовными практиками в Средней Азии, Сибири, на Украине и в Прибалтике. В Москве на Чистых Прудах в начале 1970-х годов работала группа по изучению идей “четвертого пути”, прикрытая вывеской лаборатории биоинформации. Завязались устойчивые связи с Джоном Беннеттом, Идрисом Шахом, Робертом Грейвсом и другими западными людьми, близкими к кругу идей Успенского и Гурджиева.

Что делало идеи “четвертого пути” столь притягательными для духовных искателей в русском андерграунде 1960–1970-х гг. — времени, по своему мистическому накалу вполне сопоставимому с началом века? Опыт Гурджиева и Успенского особенно высоко ценился за грандиозность поставленной ими задачи пробуждения спящего человечества и за решительный шаг от высокопарного академизма и самодостаточного эстетства к трезвому исследованию мистических идей и претворению их в духовную практику. Влияние Гурджиева и Успенского на артистическую среду усилилось их авторитетом среди художников русского и западного авангарда 1920–1930-х гг. — интерес к идеям Гурджиева и Успенского был возрожден вместе с идеями и именами сюрреалистов, футуристов и супрематистов.

Сегодня, как и в прошлом веке, книги Гурджиева и Успенского стимулируют духовных искателей и вновь инспирируют философские и художественные поиски. “Работа” Гурджиева и Успенского продолжается и сегодня.

Нью-Йорк, 1983 г. — Москва, 2001 г.

УСПЕНСКИЙ

до

Гурджиева

Город современной культуры

Этот случай имел место в парижском доме баронессы Ольги Рауш де Траубенберг, которая помогала Успенскому с переводами его книг. Сын баронессы мальчик лет 12 подошел к нам с альбомом и попросил каждого что-то ему написать. Он дал его сначала мне, и я написал: “Что бы с тобой в жизни ни случилось, никогда не забывай, что дважды два четыре”. Я передал альбом Успенскому, и он написал: “Что бы с тобой в жизни ни случилось, никогда не забывай, что дважды два никогда не дает четыре”.

Из воспоминаний Бориса Муравьева

В своей статье о Льве Толстом один из выдающихся русских писателей-символистов Андрей Белый нарисовал образ города культуры, рассеянного параллельными проспектами, каждый из которых представляет различные сферы культуры: искусство, философию, науку, литературу и т.д. Идя по проспекту А, никогда не выйдешь на проспект Б. Художник не станет говорить языком философии, который дал бы ему возможность осознать его творческий потенциал, а философ не сможет заговорить на языке искусства, который смог бы выпукло и убедительно представить этот потенциал. И хотя между проспектами разных культурных сфер есть несколько тоннелей и узких коридоров, их соединяющих, но у города современной культуры нет широких открытых площадей, где все главные направления творчества могли бы соединиться. Мы находим эти точки пересечения за пределами города. Для Андрея Белого Лев Толстой, Фридрих Ницше и Владимир Соловьев были людьми, вышедшими за непроходимые барьеры, разделяющие город современной культуры.

Успенский писал: “Если мы представим трех профессоров — социологии, эстетики и философии, — обсуждающих творчество Толстого, то мы увидим, что каждый из них пытается вытолкнуть Толстого со своей территории, хотя и признает его значение; философ будет утверждать, что значимость Толстого — в области эстетики; эстетик увидит важность Толстого в социологии, а социолог — в религии. А как относятся к Толстому религиозные деятели, мы уже знаем... Таким образом Толстой превращается

в Вечного Жида, неприкаянного изгнанника из всех пристанищ современной культуры. Кто такой Ницше? Поэт? Нет, не поэт. Ученый? Еще меньше, чем поэт. Может быть, философ? Но он определенно не философ. Он не понимал Канта. Такой человек находит себя вне города культуры. И по той же причине Соловьев тоже вне этого города, так как его метафизика уязвима с точки зрения логики, его поэзия уязвима с точки зрения техники и его мистика уязвима с точки зрения религии”¹.

Андрей Белый называл “вечными жидами” тех своих современников, “которые, невзирая на свои убеждения, профессии и индивидуальности, утверждали, что истинное основание культуры лежит за пределами методологических ограничений культурного города современности”. В этом смысле, писал Белый, они находятся в поиске своего собственного города, иного, чем “известные” или уже “данные” города. Но городу, который они ищут, нет места в мире современной культуры, хотя, может быть, он и возможен в мире иной культуры, такой, которую современная культура отрицает, или же в мире культуры будущего. Этот новый город следует искать, согласно Белому, либо “над”, либо “под” городом современной культуры. Уход из надежного мира данной культуры и выход за его пределы отмечен тем, что Белый называет “красным лучом страдания”, и ведет к сверхчеловеческому или недочеловеческому опыту. Этот метачеловеческий опыт не имеет реального значения и положительной ценности для обитателей современного культурного города. Белый писал: “В нашем поиске конечного священного союза мысли и чувства, веры и знания мы все аутсайдеры слова и дела этого мира. Этому миру не до нас. Мы должны выразить себя в этом мире не словами и проповедями, не философией, наукой или общественной деятельностью, но подлинным жестом ухода. Граница современного Вавилона — горизонт, поскольку современный Вавилон — это весь земной шар”².

Идея города современной культуры Белого и бунтарей, составших против его основ, дает ключ к пониманию феномена Петра Демьяновича Успенского в его отношении к интеллектуальным движениям времени. Подобно Толстому, Ницше, Соловьеву

¹ Белый А., Арабески, Берлин, 1923. С. 81.

² Ibid. P. 83.

и самому Белому, Успенский был одной из тех уникальных личностей, которые пытались преодолеть недостаточность современной культуры и заложить интеллектуальные и духовные основы культуры нового типа.

Успенский ставит перед собой такую же цель, как и четыре других “аутсайдера”, но он идет к ней еще более бескомпромиссным путем. В то время, как они начинали свою творческую деятельность в одной из представленных областей современной культуры (Лев Толстой — в литературе, Соловьев и Ницше — в философии) и только позже, достигнув признания в этих областях, перешли к занятию менее надежному: формированию новой культурной модели современности, Успенский начинал свою творческую биографию как человек Ренессанса, выражая себя через различные виды деятельности: путешествия, мистику, психологические эксперименты, философию, литературу, литературную критику. Все эти грани личности Успенского отразились в его книгах, написанных в период между 1905 и 1915 годами, когда им была ясно сформулирована конечная цель его деятельности: создание новой культурной модели, или, как он это определил в названии одной из своих важнейших книг, “новой модели вселенной”. Это обусловило как мгновенное признание Успенского интеллектуальной и художественной элитой России, так и сравнительно малую известность его у рядового читателя и в среде узких профессионалов.

Ревностный искатель высших форм сознания, духовный наставник, писатель, психолог и философ П. Д. Успенский (1878–1947) оставался почти незамеченным в истории конвульсивной эпохи начала XX столетия. Имя Успенского отсутствует в книгах по истории философии, хотя он написал всеохватывающие философские труды, такие как “Новая модель вселенной”¹ и “Tertium Organum”². Его мало знают и как психолога, хотя его книга “Психология возможного развития человека”³ предлагает новые под-

¹ Ouspensky P. D. A New Model of Universum, Vintage Books, N.Y. 1974.

² Ouspensky P. D. Tertium Organum, Routledge & Kegan Paul, Ltd., London, 1981.

³ Ouspensky P. D. Psychology of Man's Possible Evolution, Vintage Books, New York, 1974.

ходы и принципы в психологии. И хотя он автор замечательной повести, двух новелл и книги репортажей с мест событий русской гражданской войны, его имя нельзя разыскать среди списка писателей этой эпохи.

Тем не менее жизнь и творчество Успенского составили целую главу в русской, европейской и американской интеллектуальной истории XX века. Его влияние на творческие искания в России и на Западе трудно переоценить. В России работы Успенского оказали, среди прочих, огромное влияние на художника и теоретика футуризма Михаила Матюшина, художника и основателя супрематизма Казимира Малевича и поэта-футуриста Алексея Крученых¹. Интерес к Успенскому неуклонно растет на Западе и на Востоке. Е. Ф. Шумахер в своей посмертно опубликованной книге “Путеводитель для заблудившихся” признал себя должником Успенского². Книги Успенского переведены на многие языки и продаются во всем мире.

В 60-е годы российские интеллектуалы заново открыли для себя книги Успенского, опубликованные в России, а его работы, изданные на Западе, были переведены его последователями снова на русский язык. В течение десятилетий книги Успенского ходили в русском андерграунде в машинописном виде, а в современной России работы Успенского, изданные большими тиражами, пользуются особым вниманием самых взыскательных читателей.

Жизнь и творчество Успенского отражают одновременно социальный распад и духовный взлет в России в эпоху перед революцией 1917 года. Свою жизнь Успенский рассматривал как осуществление своих идей, и потому она может служить надежным путеводителем по карте его интеллектуальных поисков. Жизнь Успенского делится на три периода.

Первый период охватывает его детство и юность, а также деятельность в России до 1915 года; его работу в качестве журналиста, семь опубликованных книг, и среди них — капитальный философский труд *Tertium Organum*; путешествия в отдаленные уголки России, в Европу, Азию, Египет и Соединенные Штаты

¹ “Soviet Union”, Arizona State University, v. 5, part 2, L. D. Henderson, “The Merging of Time and Space: The ‘Fourth Dimension’ in Russia from Ouspensky to Malevich”. P. 173.

² Schumacher E. F. A Guide for the Perplexed, N.Y. 1977.

Америки; а также чтение лекций в Москве и Петербурге. Второй период начинается со встречи Успенского с кавказским мистиком Г. И. Гурджиевым в 1915 году и включает в себя восемь последующих лет сотрудничества с ним и учебы у него, равно как и эмиграцию Успенского на Запад и начало лекторской, наставнической и писательской деятельности в Англии. К третьему периоду относится болезненный разрыв Успенского с Гурджиевым в 1923 году и двадцать три последующих года работы над своими книгами, чтения лекций, а также духовного наставничества в Англии и Соединенных Штатах.

Мысль Успенского формировалась в сложном сплетении жизненных и философских влияний Запада и Востока. В его работах отчетливо прослеживаются русские, западные и восточные влияния от самых современных до древнейших, происхождение которых теряется в веках. Настоящая работа рассматривает первый период жизни Успенского, который заканчивается в 1915 году встречей с только что приехавшим с Востока в Москву Георгием Ивановичем Гурджиевым. Влияние Гурджиева на Успенского и его работа с ним не входят в хронологические границы данной работы. Это тема следующей книги.

Широта охваченных Успенским вопросов привлекла к нему внимание читателей самого разного толка благодаря единодушно отмечавшемуся всеми новому качеству мышления автора: идеи Успенского не поддаются заключению в расхожие формулы интеллектуальных теорий XX века. Успенский сознательно помещал себя на пересечении различных интеллектуальных течений, создавая в этом пространстве своеобразную философию и новую психологию, опробуя самостоятельные духовные пути и испытывая новые и древние методы духовной работы, никогда не отождествляя себя с какой-либо из существующих школ мысли.

Видение Успенским вселенной основано на идее иерархического строя реальности. Успенский ясно различал уровни развития людей, уровни знания и сознания, подъема и упадка цивилизаций и т.д. Он воспринимал свою собственную жизнь через призму взаимодействия низшей — ординарной — и высшей — идеальной — моделей и усилий по преодолению ординарного уровня для достижения высшего.

Духовные поиски Успенского были связаны с сознательным преодолением того, что он называл “ординарной моделью” в лич-

ной жизни, на арене социально-идеологической деятельности и в сфере познания. “Идеальная” модель, или модель в становлении была его конечной целью, а метод его включал как конструирование новых, так и отрицание изжитых систем. Этот дуализм существенен для его духовных поисков, он определяет линию его жизни, модель поведения и его усилия по практическому и теоретическому разрешению конфликта. Именно им заданы параметры исследования и фокус данной работы.

Три главы этой книги связаны с тремя аспектами духовных поисков Успенского. В первой главе прослеживается формирование личности Успенского. Этот процесс рассмотрен как серия столкновений различных манифестаций его ординарной и идеальной моделей. Непрерывное взаимодействие этих двух моделей явилось решающим фактором формирования личности Успенского, определившим главную линию его жизни.

Во второй главе рассмотрены духовные поиски Успенского на фоне русского интеллектуального процесса конца XIX — начала XX веков. Здесь выявляется роль Успенского в борьбе двух основных философских направлений того времени, представленных в виде двух культурных моделей: прогрессистской и метафизической.

Предметом третьей главы является рассмотрение основных концепций Успенского: четвертого измерения, вечного возвращения, сверхчеловека и эзотерического христианства с точки зрения свойственного ему сопоставления “известного”, “доступного” и “готового”, с одной стороны, и “неведомого”, “становящегося” и “идеального”, с другой. Эти концепции служат яркими иллюстрациями его своеобразной герменевтики и синкретической философии.

И наконец, необходимо отметить, что личность Успенского и система его идей слишком сложны и многомерны и еще недостаточно исследованы, чтобы быть исчерпывающе представленными в одной книге.

Формирование личности: идеальная и ординарная модели

Способность видеть Великую Истину иерархической структуры мира, которая позволяет различать между высшим и низшим Уровнями Существования, есть одно из необходимых условий понимания.

Е. Ф. Шумахер¹

В своих лондонских беседах с учениками² Успенский говорил о двух противоположных началах, которые боролись в нем с раннего детства. Петр Успенский отмечал, что в его семейной традиции мальчиков называли Петрами либо Демьянами. Отца Успенского звали Демьяном, отца его отца Петром и т.д. Петр нес в себе жизнепрятие и радость, а Демьян — мизантропию и аскетизм. В биографии Успенского Дж. Г. Райнер пишет: “Все Демьяны были отрицающие мир аскеты, тогда как Петры умели получать от жизни радости, как материальные, так и творческие. Успенский... нес в себе оба этих семейных начала”³.

Два эти начала воплощали в себе не только психологическую двойственность личности Успенского, но и связанные с ними две культурные модели — идеальную и ординарную, Петра и Демьяна. Петр, идеальная модель Успенского, был выразителем его высших устремлений в различные периоды его жизни. Демьян, выражавший ординарную модель Успенского, в свою очередь также изменялся, фиксируя ординарные нормы и ценности окружения Успенского и воплощая ординарный аспект его личности. Столкновение и сочетание качеств Петра и Демьяна в личности Успенского, представляющих его идеальную и ординарную модели, сформировали в итоге уникальное явление, известное под именем Петра Демьяновича Успенского.

¹ Schumacher E. F. *A Guide for the Perplexed*, N.Y. 1977. P. 14.

² James Webb, *The Harmonious Circle. The Lives and Work of G. I. Gurdjieff*. P. D. Ouspensky and Their Followers, G. P. Putnam Sons, New York, 1980. P. 106.

³ Reyner J. H. *The Unsung Genius*, George Allen & Unwin, London, 1981. P. 14.

Две эти модели стали главными факторами формирования личности Успенского. Какие же отношения складывались между этими двумя моделями в том периоде жизни Успенского, который завершился в 1915 году его встречей с Г. И. Гурджиевым? На вопрос это легче ответить, если разделить первый период жизни Успенского на следующие отрезки: детство (1878–1888), отрочество — годы учебы во Второй московской гимназии (1888–1894), юность — от открытия Ницше до открытия теософии (1894–1907), зрелость (1907–1915).

Первая идеальная модель была спроецирована на Успенского в раннем детстве его непосредственным окружением. Эта модель явилась удачным соединением двух компонентов: детских склонностей и благодатного окружения.

Многое из того, что известно о детстве Успенского, рассказано им самим в его работах и в частных беседах с учениками. Из короткой “Автобиографической заметки”, напечатанной в качестве дополнения ко второму изданию “Психологии возможного развития человека”¹, известно, что Успенский родился в Москве 19 марта 1878 года и что мальчиком он был увлечен поэзией и живописью. Читая книги о растениях и животных и наблюдая их с изумлением, он испытывал глубочайший восторг перед чудом окружающего его мира.

Две своеобразные особенности, характерные для раннего детства Успенского, оказались непосредственно связанными с его более поздними интересами. Первая особенность — это необыкновенно ясная память детства. Эта острая память себя и окружения: обстановки, событий, обстоятельств, мест, запахов — характерная для Успенского, станет для него одним из инструментов познания мира. Он писал в своей “Автобиографической заметке”: “Я помню себя с очень раннего возраста. Я ясно помню некоторые события, произошедшие со мной до двухлетнего возраста. С трех лет я помню себя совершенно отчетливо. Я помню Москву того времени, помню Звенигород, маленький старинный городок на Москве-реке, расположенный около тридцати верст к западу от Москвы. Я помню там

¹ Ouspensky P. D. *The Psychology of Man's Possible Evolution*, 2nd ed., Vintage Books, New York, 1974. P. 121—128.